

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 1.....	5
Девяносто девять ударов.....	7
И на том спасибо.....	19
Папенькин сынок.....	31
Прости, мама.....	42
ЧАСТЬ 2.....	53
Настоящее кощунство.....	55
Старые розовые мокасины.....	62
Лист бумаги.....	72
Можно вас на минутку?.....	83
Шаг за шагом.....	92
ЧАСТЬ 3.....	105
Раз-два, ча-ча-ча, три-два, ча-ча-ча.....	107
Как ком в горле.....	125
Технический нокаут.....	147
Несладкий поцелуй.....	168
Чик-чирик, воробей.....	180

ЧАСТЬ 1

Девяносто девять ударов

Господи, у тебя все сокровища мира... А Тончжу носит и носит свои подачки. Ну, хочешь, я тоже буду? Вот начну подрабатывать... Обещаю, верну с процентами. Только прошу, помоги от него избавиться. Орудие кары на твой выбор: удар молнии, авария — да что угодно! Всю неделю он нарушает заповеди, а в воскресенье приползает, типа раскаявшись, и ты все прощаешь? Ну как так-то?! В общем, я не отстану: буду ходить сюда, пока не выполнишь уговор!.. Аминь, короче.

— Привет, сестра, — с сильным акцентом обратился ко мне какой-то подозрительный тип.

Судя по его виду — вьющиеся волосы, темная кожа, разрез глаз — он был из Юго-Восточной Азии. Да хоть с небес спустился — мне, честно говоря, плевать. Уже третий раз этого парня вижу. И чего тут пасется? Смерив его взглядом, я направился к выходу. Вот тупица! Какая «сестра»? Не видишь, что перед тобой мужик? Если бы не Тончжу — а ходит он именно в эту церковь, — то духу моего бы здесь не было.

— Ну что, бездари? Ты смотри, как зубрят! Можете не стараться... Кому вы сдались? Миром правят гении! А вас только в массовку. И то, если повезет...

Позвольте представить: препода, выпустивший не одно поколение будущих уголовников, и по совместительству — наш классный руководитель Тончжу по прозвищу Говнюк*. Он утверждает, что учит своих подопечных только хорошему, но почему-то большинство из них заканчивают плохо. Короче, это детали, а факт остается фактом: классный уверен, что и меня ждет печальный конец.

— У Вандыги все шансы закончить в тюрьге. Ишь, кулачищи! А как глядит исподлобья! Не умеет и ручку в руках держать — чайник еще тот! Зато подрастет — научится держать нож... Вандыги, когда возглавишь корейскую мафию, не забывай, что я всегда в тебя верил!

Это он типа прикалывается, но у класса, само собой, ноль реакции. Ведь если заржать в неудачный момент, можно услышать гадость и в свой адрес.

Блин, Тончжу, совсем, что ли, не шарить? Если мне доведется возглавить корейскую мафию, тебе первому не поздоровится! А пока живи и молись, чтобы предсказание не сбылось.

Да, некоторые называют меня шпаной, но это вранье. Я избегаю уличных драк. Себе дороже. Реально могу врезать только тому, кто посмеет обозвать отца кар-

* Игра слов: на языке оригинала имя Тончжу звучит как «Говнюк», если изменить одну букву. — Прим. пер.

ликом, — здесь долго думать не стану и сразу отправлю в нокаут. «Какой хороший сын», — подумали вы? Да нет, просто бесят такие... прямо до чертиков! И плевать, почему они обзываются: хотят унижить отца — он и вправду не вышел ростом — или задеть меня лично.

— Проклятая школа! Зачем, спрашивается, всем подряд ходить на дополнительные занятия? Понабрали дебилов! Охо-хо... Давайте шустрей! Кто собрался дрыхнуть — сладких снов. Классного часа не будет, так что прозвенит звонок — свободны.

И Тончжу, почесывая башку, вышел из класса. Немного погодя я последовал его примеру.

— Эй, Вандыги! Куда намылился? Что, шило в одном месте? Не можешь подождать, пока преподаватель уйдет?

Отвечать ему я не стал.

— Ладно, прогульщик, пойдем. Опять халява привалила — кто-то из параллельного класса не забрал матпомощь. Стыдно им, видишь ли... Так что она твоя.

Я стиснул зубы.

— Ну, чего рожу кривишь? Вот балда! Бедность — не порок! А с голоду помереть не стыдно?

Больше всего мне стыдно, что мой классный такой урод.

— Давай бери. И никаких разговоров! Мне тоже не забудь пару штук оставить. Получше — со знаками. — Сказав это, Тончжу зашагал вперед.

Своей небрежной походкой классный сам напоминал бандюгана. Чертова матпомощь! У меня вооб-

Ким Рёрён

ще-то тоже есть гордость... Нельзя хотя бы не орать? Я даже согласен тащить твою долю, только заткнись ради бога! Сволочь... Надрываюсь тут, а он на все готовенькое.

В итоге пришлось до конца отсидеть дополнительные занятия, а после переть домой коробку вакуумных упаковок с готовым рисом. Выбросить не вариант, ведь Тончжу потом с меня спросит. Господи, давай уже резче! Чем ты там занят таким важным?

Сквозь матовое окошко входной двери сочился свет. Похоже, папа уже дома. Среда, десять минут двенадцатого... Вообще-то в это время он должен быть еще в пригороде.

— Па, уже дома? — крикнул я.

— Пи... пи... писатель, Ва... Ва... Вандыги...

Вместо голоса отца послышался лепет дяди Мингу.

— И ты здесь? — удивился я. — Ну какой писатель...

Договорились же.

Чтобы его понять, нужно дослушать до конца, но я могу догадаться по первому слову.

Дядя танцует в кабаре. Но это не то, о чем вы подумали. Он всего лишь платный партнер по танцам, и точка. Когда бизнес был на грани банкротства, хозяин кабаре схватился за последнюю соломинку и нанял профессионального танцора. Джиттербаг* в исполнении

* Джиттербаг — танец, разновидность свинга, общим стилем

дяди Мингу — просто улет! Главное — держать лицо и точно двигаться, иначе выйдет слащавая каша. А дядя зажигает так, что и партнерша, и зрители буквально визжат от восторга. «Вы — чудо! Я оплачу еще танец», — говорит она. «Ко... ко... конечно», — заикается он и мигом теряет очарование...

В нашей квартире на крыше рядом со шкафом появились предметы, которых раньше здесь не было. А именно — синие пластиковые коробки. Мы что, опять переежаем? Из одной торчала штанга для вешалок. Наверное, там одежда. А в остальных? Откуда у нас столько тряпок? Или это сценические костюмы?

— Пиши сочинения, тренируйся и сможешь поступить. Сынок... Эх, ну что с тобой делать! Ладно, давайте ужинать, — сказал папа, похлопав по одной из коробок, как будто с ней и разговаривал.

«Сынок, я тебе желаю лучшей жизни, а для этого пиши, сочиняй истории!» — вот что он хотел, но не мог сказать вслух. В наше время книг не пишет только дурак. И я, к сожалению или к счастью, и есть этот самый дурак. Но по злой случайности роль горе-писачки выпала именно мне, и избежать ее никак не получалось.

Отец уверовал в мой «талант», когда мне было шесть лет. В Корее есть одна песенка, которую знают все дошколята. Называется «Наш детский сад». В игровых комнатах, в яслях, в детсадах — везде ее твердят до одурения.

движений напоминающий буги-вуги и рок-н-ролл. Пик популярности пришелся на 1930–1950-е годы. — *Прим. ред.*

Ким Рёрён

Ума не приложу, как так вышло, но я стал петь эту песню вперемешку с другой, рождественским канонем «Не плачь». Наверное, в голове переклинило... В общем, в моем исполнении она звучала таким образом:

А у нас друзья-подружки,
Как цветочки на опушке:
Спят, обедают, танцуют,
И читают, и рисуют.
И в веселье, и в обиде...
Дед наш Санта все-то видит.

Походу, в том возрасте Санта был моим кумиром, судя по тому, как часто я упоминал его к месту и не к месту. Воспитательница сердилась, потому что другие дети стали переиначивать слова вслед за мной. Но мамочки сочли это настолько милым и необычным, что на родительском собрании папе даже вручили подарок — набор для душа.

С тех самых пор отец свято верил в мою одаренность, и когда я перешел в старшую школу, этот абсурд достиг своего пика. Весенний конкурс эссе по прочитанным книгам, организованный директором, не устававшим подчеркивать, что «истинное образование — это воспитание души», еще раз подтвердил, что никакого таланта у меня нет. Сам-то я отлично знал, что писанина — не мое, как и всякие тупые конкурсы. Но смяться, не положив готовую работу учителю на стол, было невозможно. Поэтому я кое-как накропал нужное количество знаков и свалил с чистой совестью.

— «Извозчик Ким подвозил девушку Поннё...» Они же из разных произведений, балда! «...И склонил ее к интиму, из-за чего у его жены случился инфаркт». Хм, вот как? «Старый извозчик взял серп и...» Что-о?! Ты прям писатель-фантаст! Читал хоть «Удачный день» и «Картошку»? Или увидел в тесте по литературе отрывки «а», «б» и «в» и решил, что это один рассказ?

Я молчал.

— Думал, конкурс — формальность, ничего и проверять не будет?

Классный, ответственный за конкурс, шутивно поступал мне по лбу. Ну думал... И что? Я просто написал свое мнение: автор сатирически изображает распущенный мир, где развлекаться с малолетками за деньги — обычное дело. А Тончжу, препод обществензнания, стал распекать меня, мол, я это нарочно сделал — убедиться, что в литературе тот ни бум-бум. Ну и чтобы поржать, конечно. В довесок он припомнил мне драку в начале четверти и вынес абсолютно идиотский вердикт: двенадцать месяцев испытательного срока, а если снова накосячу, меня ждет порка — девяносто девять ударов. Что ж, наказание откладывалось, и мне ничего не оставалось, кроме как с горькой усмешкой покинуть учительскую.

Пока все идет гладко — я не получил ни одного удара. И не только я. В нашем классе сорок человек, и каждому, кто в чем-то провинился (а таких большинство), Тончжу назначил испытательный срок и возможное наказание в случае нового «преступления». Например, одному нужно быть паинькой целых четыре месяца, иначе при-

дется наворачивать сорок кругов на спортплощадке; второму — месяц, а не то будет драить полы в классе до блеска; третий может отделаться и неделей, иначе придется раскошелиться на напитки для всего класса.

С отцом Тончжу познакомился в тот роковой день, когда мы переехали в этот район. Оказалось, что классный живет по соседству, в доме напротив, в такой же квартире на крыше, как наша. С тех пор моя жизнь превратилась в кошмар. Перегнувшись через коробки, еще не распакованные после переезда, папа доверительно поинтересовался, что тот думает о моем будущем. Спрашивать о моем будущем Тончжу, который, ступив за порог школы, чудесным образом перевоплощается из учителя в обычного говнюка, просто смешно. Ведь педагог он только в рабочие часы — таков его идиотский принцип. Поэтому классный отвечал с неохотой:

— Да, я читал эссе Вандыги... Впечатляет! Такая оригинальность, чувство юмора... Думаете поступать на филологию?

Папа принялся рассказывать, каким одаренным ребенком я рос. Тончжу поддакивал, похлопывая себя по колену. Так они нашли общий язык, и на следующий день мне пришлось бегать по школе в поисках Тончжу, чтобы вручить подарок от папы — булавку для галстука с золотым напылением в восемнадцать карат. После этого случая любви к литературе у меня, мягко говоря, не прибавилось, зато прибавилось у папы, которому Тончжу бессовестно навешал лапши на уши.

Отец наспех распаковал синие коробки, в которых, как я и думал, оказались сценические костюмы, и сел, прислонившись к одной из них.

— Директор Чон жалуется. Говорит, налоги бешеные. Теперь вместо нашего кабаре будет «Кола-бар», — сказал он с нотками горечи в голосе.

— Кола-бар?

— Уже и вывеску сменил — будет все внутри переделывать. Ни зазывалы, ни танцоры ему теперь не нужны...

В четвертом классе я перерос отца. Такой он маленький человек. Но маленький не значит ребенок, хотя посетители кабаре будто не понимали этого. Они обращались к нему как к какому-то пацану: «Эй», «Подойди-ка», «Малой»... Папу аж передергивало от подобного обращения, а они начинали ржать. Но, похоже, весь этот цирк уже мало кого привлекал. И хорошо. Не выношу подобных уродов.

— Значит, будешь устраиваться в новое заведение?

— Нет, кабаре сейчас непопулярно... Нужно искать что-то другое.

Папа положил свой крошечный фрак на самое дно огромной сумки.

— Мингу звали танцевать в Пучхон, а он уперся, говорит: «Не поеду».

— Да? — зачем-то переспросил я.

Дядя Мингу, преданная душа, лишь безмятежно улыбался.

Когда отец выступал, зрители покатывались со смеху. Мы с дядей были единственными, кто мог оценить его профессионализм. Дамочки, которым папа не доставал и до пояса, засовывали купюры под ленту его фетровой шляпы и хлопали по заднице. Как ребенка. Но, в отличие от них, дядя всегда уважал отца. И тот научил его танцевать джиттербаг, ча-ча-ча, джайв... Дядя очень старался. И в какой-то момент даже превзошел своего учителя.

«Рожей вышел, а мозгами нет. Ха-ха-ха!»

Если дядя молчал, посетители думали, что он высокомерный, а когда пытался что-то сказать, начинали издеваться. Самые вредные специально старались его разговорить, чтобы лишний раз поглумиться. Откуда я это знаю? Конечно, несовершеннолетним в кабаре нельзя, но кто запретит сыну видеться с отцом, пускай и у него на работе? Так вот, по случаю закрытия этого прекрасного заведения от всей души хочу пожелать его посетителям сдохнуть со скуки.

— Попробуем вариант с метро. Возьмем на складе товар и пойдем торговать, — поделился со мной отец.

— Разве это законно? — удивился я, поднимая сумку, которую он положил у двери.

— Главное пошевеливаться, и тогда не нарвемся. Прокатит или нет... Посмотрим.

Я водрузил сумку на тележку.

Папа и дядя почти полжизни провели в шумном полумраке кабаре, а теперь собираются торговать в метро, где яркий свет бьет в глаза и пассажиры сидят с камен-

